

З. М. ПЕТРОВА

СТРАДАТЕЛЬНО-ВОЗВРАТНЫЕ ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Памятники различных жанров русской литературы и письменности XVIII в. отражают бурные процессы становления единой нормы русского литературного языка на национальной основе. При этом действовали различные и во многом противоречивые тенденции развития языковой системы на всех ее уровнях, в том числе и на грамматическом.

В области глагольной парадигмы, а также функционирования глагольных форм в это время наблюдается сосуществование старых и новых элементов и явлений разного происхождения. Система производных глагольных форм — причастий для XVIII в. еще не подвергалась всестороннему исследованию.

Вопросы морфологической структуры и синтаксического применения причастий необходимым образом должны быть связаны с проблемой формирования типов предложений, особенно односоставных, так как XVIII в. характеризуется усилением тенденции развития предикативного употребления нечленных страдательных причастий в безличной форме.

Процесс утраты страдательными причастиями пассивности, начавшийся еще в эпоху древнерусского языка, вызвал к жизни особую категорию причастных словоформ от возвратных глаголов (типа *соглашенность*, *договоренность*), которые в XVIII в. были распространены шире, чем в предшествующие периоды развития русского литературного языка, а после XVIII в. были утрачены.

Ареал указанных словоформ определяется достаточно четко. Из всех славянских языков они встречаются только в русском. Аналогичные им польские конструкции на *-no*, *-to* от возвратных глаголов отличаются от русских словоформ на *-ность* не только морфологической структурой, но и рядом семантико-синтаксических признаков. Возникшие в старопольском языке структуры типа *dotrząziono się*, *zbierano się*, *zdecydowano się*, *uśmiechnięto się*¹ и т. п. в современном польском литературном языке являются обычным способом выражения предиката неопределенно-личных предложений².

В русском языке в настоящее время употребление страдательно-возвратных словоформ типа *жененость*, *боротось* ограничено сравнительно небольшой территорией севернорусских говоров³.

¹ Н. К о п е с з н а, O budowie zdania jmépana Paskowego słów kilkoro, «Poradnik językowy», 9, 1956, стр. 353—354.

² С. И. С я т к о в с к и й, Неопределенно-личные предложения в современных славянских языках, «Славянская филология», 5, М., 1963, стр. 268, 271, 274 и сл.; е г о ж е, Некоторые вопросы типологического и сравнительно-исторического синтаксиса, ВЯ, 1963, 6, стр. 76; Е. W i e s e, Die Struktur unbestimmt-persönlicher Sätze im modernen Polnischen, ZfS, 14, 1, 1969.

³ Многие собиратели и исследователи русских народных говоров отмечали на Севере указанные словоформы. Из работы последнего десятилетия см.: В. А. М а т в е е н к о, Страдательно-безличный оборот в восточнославянских языках. АКД., М., 1962; е е ж е, Страдательно-безличный оборот в говорах восточнославянских язы-

Указания на отдельные случаи употребления страдательно-возвратных причастных словоформ в памятниках древне- и старорусской письменности, а также в литературном языке XVIII — первой половины XIX в. встречаются у ряда исследователей русского синтаксиса ⁴.

Пробором страдательно-возвратных причастных форм может служить отмеченный А. А. Потебней ранний случай употребления причастия на -но с энклитическим местоимением *ся* в Палее 1494 г.: *Не бѣ облачано ся во одежды ты николиже* ⁵.

Формирование причастных структур на -нось связано с появлением в славянских языках, в том числе и в русском, обширного класса возвратных глаголов разной семантики. Известно, что в ранний период развития русского языка энклитическое местоимение *ся* не составляло с глаголом цельнооформленного слова. С XVI в. наблюдается его слияние с глаголом и преобразование в морфологический элемент — постфикс- *ся*, который перед гласным звуком редуцируется в -сь. Это создало формальные условия для образования страдательных причастий от возвратных глаголов.

Как свидетельствуют памятники делового письма второй половины XVI—XVII вв., страдательные причастия среднего рода в нечленной форме и энклитическое местоимение *ся* представляют собой уже в это время морфологически тесно спаянные структуры. На это указывает и обязательная постпозиция *ся*, и его редукция в большей части случаев. Ср.: «И на том уж договоренось, чтоб Арцыкняжата Эрнест был на Полском королевстве» (Римск. имп. т. I, 1576, стр. 551); «В те поры, за многими помешками на Москве, о том не договоренось» (АИ, т. II, 1610, стр. 336); «А с калмыками де у них помиренось же, что им калмыком с ними атаманы и казаки и со всем войском быть в миру» (ДАИ, т. VI, 1672, стр. 69); «И по тому... в. г. указу, из Стрелецкого Приказу с Приказом Большия Казны справливанось» (ДАИ, т. X, 1683, стр. 415) ⁶.

К концу XVII — началу XVIII в. число страдательно-возвратных причастий в памятниках делового письма увеличивается, а на протяжении всего XVIII в. они встречаются в письменных источниках разных жанров. Их можно встретить в памятниках делового письма, в официальных документах, в переводах с немецкого, французского и других языков, в письмах и мемуарах, в описаниях путешествий, в художественной прозе «среднего» стиля и т. п. Не отмечены такие формы в памятниках, связанных со славяно-книжной традицией, в языке поэзии, отличающемся

ков, «Slavia», 1969, 3; е е же, Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в восточнославянских языках, «Материалы и исследования по русской диалектологии», 2, М., 1961; Ф. П. Филин, К истории оборота со страдательными причастиями на -н-, -т-, «Проблемы истории и диалектологии славянских языков», М., 1971; е г о же, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972, стр. 498—499. Подробная характеристика и перечень страдательно-возвратных форм, а также карта их распространения в русских говорах содержится в книге И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко «Синтаксис причастных форм в русских говорах» (М., 1972). Ареал страдательно-возвратных форм, по данным И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, ограничен онежскими, лачскими и белозерскими говорами. Эпизодически они встречаются также в северной части вологодских говоров, в новгородских, псковских и ладожско-гичвинских говорах (указ. соч., стр. 114).

⁴ См.: А. Х. Востоков, Русская грамматика, СПб., 1838, стр. 109; В. И. Класовский, Русская грамматика, СПб., 1856, стр. 115; Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 349; А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, М., 1968, стр. 343. Как эпизодические для XVIII в. страдательно-возвратные причастные словоформы отмечены в книге «Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века» (М., 1964, стр. 291—292).

⁵ А. А. Потебня, указ. соч., стр. 343.

⁶ Примеры извлечены из Картотеки ДРС (Институт русского языка АН СССР, Москва). Сохранены привятые в Картотеке сокращения источников.

устойчивостью и консерватизмом. Это свидетельствует о том, что исследуемые формы проникают прежде всего в такие языковые сферы, которые больше подвержены изменениям и скорее отражают все процессы языкового развития. Набор страдательно-возвратных причастных словоформ в это время отличается значительным разнообразием. Исследованные нами источники XVIII в. содержат 27 словоформ на *-ность*: *вознамеренность*, *готовленность*, *договоренность*, *извещенность*, *намеренность*, *остереженность*, *ошибенность*, *подписанность*, *помиренность*, *поторопленность*, *размененность*, *рассерженность*, *решенность*, *сговоренность*, *смолеленность*, *соглашенность*, *сойденность*, *справленность*, *справливанность*, *уведомленность*, *уверенность*, *уговоренность*, *удержанность*, *удовольствованность*, *удостоверенность*, *укрепленность*, *условленность*. Указанные причастия составляют открытый ряд, причем одни из них обладают большей частотностью, другие — меньшей, а некоторые отмечены как единичные.

Уже к началу XIX в. страдательные причастия в возвратной форме уходят из литературного языка⁷. Таким образом, для русского литературного языка хронологические рамки бытования исследуемых словоформ очерчены достаточно четко сравнительно небольшим периодом времени — XVI—XVIII вв.

Причины появления в русском языке страдательно-возвратных причастных словоформ кроются в изменении семантической и лексико-грамматической природы страдательных причастий в эпоху перестройки системы времен и залоговых отношений. Разрушение системы древнерусских прошедших времен вызвало изменения в семантике и синтаксическом применении страдательных причастий прошедшего времени. В них ослабляется страдательное значение, в результате чего появляется возможность образования страдательных причастий от непереходных глаголов и даже от возвратных с сохранением возвратной частицы. В этом наиболее полно проявляется утрата страдательными причастиями пассивности: такие причастия не способны выражать направленное на объект действие.

Наряду с этим на условия образования, функционирование и значение страдательно-возвратных причастий оказывал влияние процесс формирования различных по семантико-грамматическим признакам групп возвратных глаголов. Возможностью образования страдательно-возвратного причастия обладали не все возвратные глаголы, а лишь те, которые обозначали действие, заключенное в сфере субъекта — одушевленного лица.

Наиболее ранние, а также наиболее частотные страдательно-возвратные причастия образованы от взаимно-возвратных глаголов *договориться*, *согласиться* «прийти к согласию», *помириться* — *договоренность*, *соглашенность*, *помиренность*. Указанные формы впервые появляются в жанрах делового письма, в официальных, дипломатических документах и договорах. Они выражают взаимное или совместное действие двух лиц или двух групп лиц, т. е. выступают в социативном значении. Набор страдательно-возвратных причастий, коррелирующих с взаимно-возвратными глаголами, становится наиболее разнообразным в XVIII в.: кроме форм *договоренность*, *соглашенность* и *помиренность*, которые в XVIII в. встречаются не только в деловых жанрах, в социативном значении отмечены причастия *сговоренность*, *смолвленность*, *условленность*, *сойденность*, *размененность* и некот. др. Приведем несколько примеров: «Оне, потенции морския, обязуются... мир твердо и ненарушимо содержать и гварантировать, и всякими образы к содержанию того, как впредь сойденность будет, вспомогать» (АК, кн. 6, 1713, стр. 35—36); «С объявленным невольником, называемым Самбас,

⁷ «Изменения в системе простого и осложненного предложения...», стр. 292.

зговоренось у нас было в оное время притти» (Прикл. маркиза Г..., ч. 2, стр. 59); «У нас смолвлено так, чтобы никто почти из посторонних о сем съезде нашем не знал» (Зап. Болот., т. 2, стр. 114); «Он заключил, что в тот раз конечно было уговоренось между нами о свидании» (МЕИ, стр. 169).

Из приведенных примеров видно, что лица, участвующие в совместном, взаимном действии, могут быть названы или не названы. Способы выражения взаимодействующих субъектов при этом различны. Это может быть предложно-падежная конструкция типа «между кем (и кем)», «у кого (с кем)» и т. п., а также косвенное указание на социативное действие субъектов. Ср.: «У вас изрядно с Английским посланником договоренось» (ПВП, т. 3, стр. 815); «В собрании де академии художеств договоренось с вышеписанным подмастерьем Ферстером...» (МАН, т. 10, стр. 124); «По сим пунктам меж компаниею и имрека договоренось будет» (ПСЗ, т. 6, 1720, стр. 288); «С ним обо всем нужном условленось и договоренось» (Зап. Болот., т. 1, стр. 10); «С обеих сторон соглашенось, договоренось и постановлено» (ПСЗ, т. 7, стр. 111). Нередко встречаются и такие случаи, когда в предложении нет грамматически выраженного субъекта действия или косвенного указания на него. В таких случаях идею социативности действия передает сама страдательно-возвратная форма. Ср.: «Оный мир весьма постоянен быть не может, и король шведский оттуль выслан не будет до тех мест, пока ратификациями не будет размененось» (АК, кн. 9, 1713, стр. 68—69); «Прежде сего войны бывали; ныне помиренось вечно» (Унк., стр. 59); «А ценою договоренось получать от оного комиссара Иванова денег по сту по семидесяти рублей в год» (МАН, т. 10, стр. 327). В сферу социативности вовлекаются и такие страдательно-возвратные формы, у которых отсутствует корреляция с инфинитивом взаимно-возвратного глагола. В таких случаях обязательно указание на взаимно или совместно действующие субъекты, т. е. социативное значение формы на -нось является конструктивно обусловленным. Ср.: «От обоих высоких дворов вознамеренось дружелюбно прекратить то дело» (СПб. вед., 1750, стр. 179); «Когда готовленось с обеих сторон к сражению; тогда при- были Посланники из Тарента» (Римск. ист., т. 4, стр. 116).

Социативность является одним из основных значений рассматриваемых словоформ. Наряду с этим страдательно-возвратные причастные формы могут обозначать действие, сосредоточенное в сфере субъекта — лица или группы лиц. Такие формы, коррелируя с общевозвратными глаголами⁸, также выступают в роли предиката безличных по форме предложений. В таких предложениях отсутствует грамматически выраженный субъект действия, но из содержания самого предложения или из более широкого контекста ясно, что речь идет об определенном лице или определенной группе лиц — реальном субъекте действия. Ср.: «Я не мог утерпеть, чтоб не промолвить нескольких слов, кои сочтены колкими, и за них рассерженось» (Зап. Болот., т. 2, стр. 139). В данном случае говорящий имеет в виду определенное лицо, но по каким-то причинам не называет его, представив действие безлично. Ср. также: «Я прочел то письмо, рука Филоклиева зрилась... под его совершенно и точно подписанось почерк: Зделал то Протесилай сам с тем заодно Тимократом» (Тилемах., т. 2, стр. 7).

Страдательно-возвратные причастия, коррелирующие с общевозвратными глаголами, могут выступать также в функции, аналогичной предикату неопределенно-личных предложений, обозначая действие неопределенно мыслимых лиц. Ср.: «В Штеттине намеренось построить четыре

⁸ См.: «Грамматика русского языка АН СССР», I, М., 1953, стр. 419.

корабля для ходу в Балтийское море» (СПб. вед., 1750, стр. 701); «Но как одно от другого не далеко, то может в сказании ошибенось» (Тат. Ист., т. I, стр. 108). Рассматриваемые предложения легко трансформируются в неопределенно-личные предложения: *... намереваются построить..., ... в сказании ошиблись...* и т. п. Действие говорящего в данном случае исключается.

Близкой, но не тождественной представляется функция предиката на *-нось* в случаях, когда неопределенно, или, точнее, обобщенно мыслимый субъект может предполагать и участие говорящего в действии. Ср.: «По надежным и несомненным опытам удостоверенось, что тоже тело, перенесенное к Экватору, становится легче, нежели как перенесенное к полюсам земным» (Письма к принц., стр. 207; т. е. все, многие, в том числе и говорящий, удостоверились); «Многие читают корку акации вредною лошадям..., однако ж не удостоверенось еще, правда ли это» (Сл. комм., ч. 1, стр. 24); «Сего числа уведомленось, что Контайшина старшая жена больна» (Унк., стр. 101); «С удивлением извещенось, что некоторые из университетских профессоров на лекции свои без важных причин... вовсе не приходят» (МАН, т. 10, стр. 522).

Итак, безличные формально предложения с предикатом — страдательно-возвратным причастием в зависимости от отношения действия к субъекту могут наполняться разным содержанием. Они могут обозначать: а) совместное или взаимное действие двух определенных лиц или групп лиц (т. е. социативность действия); б) действие определенного, но не названного лица или группы лиц; в) действие неопределенного множества лиц без участия говорящего; г) действие обобщенного множества лиц, включая говорящего⁹. Таким образом, можно отметить в качестве отличительной черты страдательно-возвратных причастий в русском языке XVIII в. их полифункциональность.

Временное значение страдательно-возвратных причастий не имело каких-либо заметных отличий от временного значения изменяемых форм страдательных причастий прошедшего времени в функции предиката. Они свободно употреблялись как без связки, обозначая актуальное прошедшее время (перфект), так и со связкой, обозначая результат действия, отнесенный в план прошедшего времени (*было + -нось*) или в план будущего (*будет + -нось*). Несколько примеров: а) без связки: «У вас с Английским посланником договоренось» (ПБП, т. 3, стр. 815); «Ныне помиренось вечно» (Унк., стр. 59); б) со связкой *было*: «В тот раз... было уговоренось между нами о свидании» (МЕИ, стр. 169); «Соглашенось было, чтоб нам с сыном остаться еще на неделю» (Зап. Болот., т. 4, стр. 259); в) со связкой *будет*: «Всякими образы к содержанию того (мира. — 3. II.), как впредь сойденось будет, вспомогать» (АК, кн. 6, стр. 35-36); «О том договоренось будет» (АК, кн. 10, стр. 261).

Как и для других форм страдательных причастий, для форм на *-нось* свойственны в отдельных случаях более или менее сильные оттенки аористного значения. Например: «С удивлением извещенось, что...» (МАН, т. 10, стр. 522); «Понеже от обоих высоких дворов вознамеренось дружелюбно прекратить то дело..., то...» (СПб. вед. 1750, стр. 179); «По многих совещаниях соглашенось наконец о примирении» (Римск. ист., т. 3, стр. XLIII). Отмечены также случаи употребления рассматриваемых форм в имперфектном значении. Ср.: «Когда готовленось с обоих сторон к сражению; тогда прибыли Посланники из Тарента» (Римск. ист., т. 4,

⁹ О семантических и структурно-типологических различиях односоставных предложений в зависимости от того, участвует или не участвует говорящий в действии, см.: С. И. Ся т к о в с к и й, Неопределенно-личные предложения в современных славянских языках, стр. 272—273. ■

стр. 116; ср. в подлиннике: *comme on se preparait*). Возможно их употребление в ирреальных наклонениях. Ср. в условном наклонении: «Если бы... было справлено с Адмиралтейским Приказом... он Лихачов был бы сыскан» (ДПС, т. II, стр. 254).

Возможность корреляции страдательно-возвратных причастий с глаголами несовершенного вида (например, *готовленось, справливанось*) при подавляющем большинстве случаев образования от глаголов совершенного вида также сближает их с изменяемыми формами страдательных причастий прошедшего времени.

Специфические особенности внутренней структуры страдательно-возвратных причастий раскрываются в их синтаксическом окружении. Выше отмечалось, что грамматически выраженный субъект действия возможен только при формах на *-нось*, имеющих взаимно-возвратное значение. Если понимать залог как способ выражения отношения между субъектом, объектом и действием, то данные конструкции можно рассматривать как способ выражения взаимного залога¹⁰. Во всех других случаях грамматически выраженный субъект действия при страдательно-возвратных причастиях отсутствует. Отметим, что исследователи причастий на *-но*, *-то* в славянских языках обращают внимание на способ выражения и возможность или невозможность употребления при них косвенного субъекта действия¹¹.

Страдательно-возвратные причастные формы как формы активные характеризуются их синтаксическими связями, свойственными глаголу. Они полностью сохраняют глагольное управление (*договоренось о трактате, в библиотеке справливанось, в Санктпетербурге уведомленось* и т. п.), связи с различными обстоятельственными наречиями (*точно подписанось, не удостоверенось еще, нечаянно уведомленось* и т. п.). Обычно их употребление в полусвязочном значении при инфинитиве, обозначающем основное содержание действия (*вознамеренось прекратить то дело, соглашенось сделать росписи, намеренось построить четыре корабля*), а также в конструкциях, выражающих долженствование (*имеет быть договоренось*). Страдательно-возвратные причастия могут распространяться придаточными дополнительными или изъяснительными предложениями (*соглашенось, чтобы..., уведомленось, что..., договоренось, чтоб...*). Отметим также свободное употребление рассматриваемых форм в составе как главного, так и придаточного предложения. Ср. в придаточных предложениях: «Король шведский оттуль выслан не будет до тех мест, пока ратификациями не будет размененось» (АК, кн. 9, стр. 68—69); «Дело, о коем зговоренось» (ВЛ, стр. 40).

Семантический и функциональный анализ страдательно-возвратных причастий в памятниках русского языка XVI—XVIII вв. и сравнение их с аналогичными севернорусскими диалектными формами типа *жененось* и с польскими структурами типа *baño się* приводит к выводу о том, что мы имеем результаты параллельного развития этой морфолого-синтаксической особенности, объясняющегося генетической близостью славянских языков и их диалектов.

Ряд сходных черт имеют страдательно-возвратные формы в севернорусских говорах и в памятниках русского языка, что позволяет высказывать предположение о том, что источником их появления в последних могли быть говоры. Формы на *-нось* в говорах и в письменном языке сближает одинаковая морфологическая структура, одинаковое временное зна-

¹⁰ Ср.: А. В. Бондарко, К теории поля в грамматике — залог и залоговость, ВЯ, 1972, 3, стр. 34.

¹¹ Ср.: С. И. Сятковский, Некоторые вопросы типологического и сравнительно-исторического синтаксиса, стр. 71.

чение: как в говорах, так и в письменном языке парадигма предложений с страдательными причастиями в возвратной форме включает в себя три временные формы — актуальное прошедшее (без связки), действие, результат которого отнесен в план прошедшего (со связкой *было*)¹² или в план будущего (со связкой *будет*). Их сближает и общее залоговое значение: они выражают активное действие субъекта.

Вместе с тем анализ внутренней структуры рассматриваемых словоформ, а также их синтаксических связей дает известные основания для предположения о том, что в говорах и в литературно-письменном языке они прошли, по-видимому, независимый и самостоятельный путь развития. В говорах они коррелируют со всеми значениями возвратных глаголов (кроме страдательных и безличных)¹³, в письменных памятниках — только со взаимно-возвратными и общевозвратными. В говорах конструкции со страдательно-возвратными причастиями обычно включают в себя грамматически выраженный субъект действия, в то время как в памятниках он возможен только при словоформам с взаимно-возвратным значением.

В этом заключается основное отличие форм на *-нось* в письменных источниках русского языка от аналогичных диалектных севернорусских форм. Для памятников русского языка невозможны предложения типа *у него сфотографированось, у меня выпанось* и т. п., обычные для говоров. Сам набор словоформ на *-нось*, если сравнить их списки, различен в говорах и в памятниках¹⁴.

Сравнительно-типологический анализ польских структур типа *banó się* и русских словоформ типа *уведомленось* не дает оснований для предположения о заимствовании рассматриваемого явления в русском языке из польского. Время возникновения указанных польских и русских структур приблизительно одно и то же — XVI—XVII вв. Одни и те же, по-видимому, были и причины их появления — разрушение старой системы претеритов, во многом общий для страдательных причастий обоих языков; процесс утраты пассивности.

Однако по временному значению, по отношению к субъекту действия, по связи с исходной формой возвратного глагола польские формы на *-no*, *-to* + *się* имеют мало общего с русскими страдательно-возвратными причастиями. В польском языке указанные структуры входят в систему образований на *-no*, *-to*, ни по синтаксическим функциям, ни по общеграмматическому значению не отличаясь от них. Они включаются в общую парадигму неопределенно-личных предложений, обозначая прошедшее время без оттенка результативности и употребляясь без связки. Связка в указанных конструкциях в польском языке была утрачена в XVII в.¹⁵ Грамматически выраженный субъект действия в польских

¹² О перфектном значении страдательно-возвратных причастий без связки Ф. П. Филин пишет: «Разница между оборотами *у моего сына на ней жененось* и *мой сын на ней женился* заключается в том, что в первом из них подчеркивается наличие результата действия в настоящем, а во втором выражается простая констатация совершившегося действия» (Ф. П. Филин, К истории оборота со страдательными причастиями на *-н-*, *-т-*, стр. 283). См. также: И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко, Синтаксис причастных форм в русских говорах, стр. 83—84.

¹³ В. А. Матвеев, Страдательно-безличный оборот в восточнославянских языках, стр. 13.

¹⁴ Наиболее полный список диалектных страдательно-возвратных словоформ (121) см. в исследовании И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко «Синтаксис причастных форм в русских говорах» (стр. 114).

¹⁵ Ср.: С. И. Сятковский, Некоторые вопросы типологического и сравнительно-исторического синтаксиса, стр. 71; Z. Klemensiewicz, T. Lehrsprawański, S. Urbaniak, Gramatyka języka polskiego, Warszawa, 1955, стр. 387, 433—434.

конструкциях с причастиями на *-no*, *-to* + *się* во всех случаях отсутствуют.

В польском языке XVIII в., как отмечает Г. Конечна, предложения с предикатом на *-no*, *-to* обозначали обычно действие неопределенного множества лиц без участия говорящего, хотя были возможны отдельные случаи, когда они могли обозначать действие и с участием говорящего, а также действие определенного, но не названного лица¹⁶. Исследователи современного польского синтаксиса отмечают, что предложения со структурами на *-no*, *-to* не предполагают или затушевывают участие говорящего в действии, т. е. они специализируются на функции предиката неопределенно-личных предложений¹⁷. В русском языке на основе причастий на *-нось* сформировались особые конструкции с взаимно-возвратным залоговым значением, включающие в себя грамматически выраженный субъект действия. Рассматриваемые причастные структуры в польском языке свободно образуются без каких-либо ограничений от всех семантических классов глаголов — переходных, непереходных и возвратных¹⁸. В русском же языке страдательно-возвратные причастия образуются от ограниченного круга возвратных глаголов.

Таким образом, страдательно-возвратные структуры в польском языке, в русском литературном языке XVIII в. и в севернорусских говорах можно рассматривать как результат общих тенденций развития грамматического строя славянских языков и их диалектов и вместе с тем как явление, имеющее свои специфические черты в пределах каждого из названных ареалов.

О самобытном характере страдательно-возвратных причастных словоформ в русском литературном языке XVIII в. свидетельствуют и данные старых грамматистов. А. Х. Востоков и Ф. И. Буслаев, отмечая в русском литературном языке формы типа *условленось*, *соглашенось*, считают их органически свойственными русскому нормализованному языку, не указывая при этом ни на их чужеродность, ни на диалектный характер. Ср. у А. Х. Востокова: «Причастия страдательные для глаголов безличных производятся и от залогов среднего и взаимного. Напр. от глаголов *падать*, *ползть* *бегать* — *падано*, *ползано*, *бегано*; *плакать*, *беседовать*, *крикнуть* — *плакано*, *беседовано*, *крикнуто*; *ходить*, *ездить* — *хожено*, *езжено*; *условиться*, *согласиться* — *условленось*, *соглашенось*»¹⁹. У Ф. И. Буслаева: «Так как язык допустил винительный падеж *-ся* при среднем глаголе, то не нашел затруднения употребить оный даже при некоторых страдательных, напр. „как *соглашенось*, так и *сделано*“, Пересм., 3, 230; *решенось*, Анекд. древн. пошех., 87»²⁰.

В XIX в. страдательно-возвратные причастия уходят из литературного языка. Причины этого можно выявить только при широком исследовании функционирования категорий русского глагола, а также ряда явлений синтаксиса предложения, так как употребление рассматриваемых словоформ в предшествующие эпохи было связано с формированием категорий залога, лица, времени, с развитием односоставных предложений, прежде всего безличных, неопределенно-личных и обобщенно-

¹⁶ Н. Конечна, указ. соч., стр. 354—355.

¹⁷ С. И. Сятковский, Неопределенно-личные предложения в современных славянских языках, стр. 276; Е. Wiese, указ. соч., стр. 67.

¹⁸ Н. Конечна, указ. соч., стр. 346; С. И. Сятковский, Неопределенно-личные предложения в современных славянских языках, стр. 296.

¹⁹ А. Х. Востоков, указ. соч., стр. 109.

²⁰ Ф. И. Буслаев, указ. соч., стр. 349.

личных²¹. Необходимо также рассмотрение синтаксических связей и функционирования страдательно-возвратных причастий в русском языке XVIII в. на общем фоне односоставных предложений с главным членом — страдательным причастием как от переходных, так и от непереходных невозвратных глаголов.

Источники

(принятые в статье сокращения названий)

АК — Архив кн. Ф. А. Куракина, под ред. М. И. Семева, кн. 1—10, СПб., 1890—1902.

ВЛ — «Вейсманнов немецкий лексикон с латинским, предложенный на русский язык, при втором сем издании вновь пересмотренный и против прежнего в рассуждении латинского и русского языков знанию приумноженный», СПб., 1782.

ДПС — «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого», под ред. М. В. Калачева, т. 1—6, СПб., 1880—1901.

Зап. Болот. — «Записки Андрея Тимофеевича Болотова», т. 1—4, СПб., 1871—1873.

МАН — «Материалы для истории Академии наук», под ред. М. Сухомлинова, т. 1—10, СПб., 1885—1900.

МЕИ — «Модное Ежемесячное Издание, или Библиотека для дамского туалета», ч. 1, СПб., 1779.

ПБП — «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I—11, СПб., М.—Л., М., 1887—1964.

Письма к принц. — [Эйлер Л.], Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе, с франц. языка на русс. переведенные С. Румовским, ч. 1, Третьим тиснением, СПб., 1790.

Прикл. маркиза Г... — «Приключения маркиза Г... или Жизнь благородного человека, оставившего свет, переведена на русский язык Иваном Елагиным», ч. 1—4, СПб., 1756—1758.

ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи», т. 1—30, СПб., 1830.

Римск. ист. — «Римская история от создания Рима до битвы Актиския, то есть по окончание Республики, сочиненная г. Ролленом... А с фр. переведенная тщанием и трудами В. Тредиаковского...», т. 1—16, СПб., 1761—1767.

Сл. комм. — «Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домостроительства... Переведен с фр. языка В. Левшиным», ч. 1—7, М., 1787—1792.

СПб. вед. — «Санктпетербургские ведомости», 1728—1800.

Тат. ист. — В. Н. Татищев, История Российская с самых древнейших времен..., т. I, М., 1768.

Тилемах. — В. К. Тредиаковский, Тилемахида или странствования Тилемаха сына Одиссея, описанные в составе ироическия пиямы В. Тредиаковским..., т. 1—2, СПб., 1766.

Унк. — «Посольство к Зюнгарскому хун тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы», СПб., 1887.

²¹ Имеется в виду семантический, а не формально-грамматический принцип классификации указанных типов односоставных предложений. См. об этом у С. И. Сятак о в с к о г о: «Поскольку подразделение предложений на безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные покоится на семантическом принципе, форма главного члена не может служить классификационным основанием» («Некоторые вопросы типологического и сравнительно-исторического синтаксиса», стр. 77).